

Раздел I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ

Матиас Кёниг

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Культурное разнообразие является заметным источником социальных конфликтов и политических споров. Вопреки предсказаниям теоретиков классического модернизма, мы являемся свидетелями появления определенного количества социально-политических движений, которые подтверждают, вновь открывают или реконструируют этнические, лингвистические и религиозные особенности. Эта тенденция создает такие трудности в функционировании демократических механизмов социальной интеграции и разрешения конфликтов в национальных государствах, что эти государства стали соглашаться на консенсус по основополагающим ценностям и допускать лишь некоторую степень культурной однородности. Особенно интересным является анализ лингвистического разнообразия, так как он ставит под сомнение предположение о монолингвистической сфере общественного выражения, являющееся естественной частью большинства демократических теорий. Демократическая линия поведения должна ответить на вопросы о том, как можно распознать языковую общность групп и как, в то же самое время, гарантировать участие каждой языковой группы в общей социальной жизни. В данной статье делается попытка найти соотношение между разработкой поликультурной политики и моделями социальной интеграции в национальном государстве, а также в международном законодательстве о правах человека.

Существует мнение, что языковая политика, которая является «поликультурной» в смысле поддержки признанного участия языков меньшинств в общественной жизни, является именно той политикой, которая более всего способна реагировать на структурные дилеммы современных государств-наций, в то же время уважая международные стандарты в области прав человека.

* Эта статья подготовлена в рамках проекта по демократическому управлению в многонациональном и многоэтническом обществе UNESCO/MOST при финансовой поддержке Швейцарского агентства по развитию и кооперации. Публикация представляет собой сокращенную версию дискуссии MOST № 30 (1998), озаглавленной «Демократическое управление в многонациональных обществах». Она также связана с проблемой, описанной в ISSJ № 156, июнь 1998 «Социальные преобразования».

Социальная функция языка и создание этничности

Социологические языковые теории обычно анализируют язык как коммуникативную систему и как систему репрезентации (Luckmann, 1984). Очевидно, что социальное взаимодействие между индивидуумами требует общей системы коммуникации. Хотя язык и не является единственной коммуникативной системой, он является наиболее фундаментальной из таких систем как в эволюционном смысле, так и с точки зрения психологического развития, и вследствие этого он вносит свой вклад в социальную интеграцию. Более того, язык часто выступает как система репрезентации, представляя разделяемый обществом взгляд на мир. Объективируя такой взгляд, язык играет заметную роль в создании группового сознания и построении символа коллективной идентичности. Именно вследствие этой символической функции язык вносит свой вклад в коллективную интеграцию. И поскольку язык выполняет как коммуникативную, так и символическую функцию, многие социолингвисты считают его компонентом этноса.

Существуют три главных теоретических подхода к этничности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиализм полагает, что социальные группы характеризуют объективно данные черты, такие как территория, религия, культура, социальная организация или язык.

Чтобы избежать эссенциализма, присущего первому подходу, конструктивистская и инструменталистская теории этноса сосредоточивают свое внимание на субъективной интерпретации указанных объективных черт. Конструктивизм рассматривает этническую самобытность как результат сложного социального процесса, в котором символические границы постоянно создаются и воссоздаются в процессе мифотворчества, исторических описаний общего прошлого или языка. Инструменталистский подход к этничности уделяет больше внимания политической мобилизации и манипуляции, посредством которых создаются социальные группы. Вместо того чтобы считать последние два подхода взаимоисключающими, можно рассматривать их как дополняющие друг друга, при этом первый концентрирует внимание на социокультурном толковании этничности, а второй подчеркивает социополитические (и экономические) факторы.

Динамика языкового конфликта в современном национальном государстве

Хотя вышеупомянутые подходы к этносу полезны, чтобы оценить потенциал языкового различия, порождающего этнические конфликты, они нуждаются в дополнительном анализе возникновения современного на-

ционального государства и его специфических моделей социальной интеграции. В частности, история любого национального государства пронизана идеалом монолингвизма¹. В целом, монолингвизм можно рассматривать как компонент политики культурной гомогенизации, посредством которой государство пытается удовлетворить запросы индустриализации и бюрократизации (Gellner, 1983). Таким образом, необходимость поддержания единого государственного языка диктовалась его полезной коммуникативной функцией. В то же время, создание современных национальных государств подчеркнуло символическую функцию языка как в гражданской, так и в этнической модели национального государства. Так, политика жесткого монолингвизма в эпоху Великой французской революции рассматривала французский язык как символ подлинного республиканства (Wright, 1997).

Подобная динамика современного национального государства и идеал монолингвизма породили дискриминацию малых языковых групп. Языковая политика национальных правительств, как правило, направлена на уничтожение языковых меньшинств на своей территории, будь то региональные, иммигрантские или местные языки. Самыми важными инструментами такой политики являются «планирование статуса» и «планирование корпуса». Первое направлено на узаконивание официального языка в сфере средств массовой информации, образования, политической коммуникации; второе стремится к модернизации и стандартизации употребления официального языка путем систематизации его фонетических, семантических и грамматических аспектов.

Исторические исследования языковых групп в Европе в XIX–XX вв. показывают, что лингвистические меньшинства и этнические группы утверждают свою особенную сущность и требуют признания в политической сфере в ответ на динамику строительства современного национального государства (Vilfan, 1993). Более того, в процессе постколониального формирования государств, например в Африке, в Индии и в регионе Тихого океана, национальные границы проводились без учета присутствия или отсутствия социального единства на данной территории. Должно быть совершенно очевидно, что любая попытка проведения монолингвистической политики в таких государствах, которые характеризуются сложным распределением родных языков, языков межэтнической коммуникации и международных языков, может привести к конфликту лингвистических групп (см., напр., Mansour, 1993)².

¹ Следуя за социолингвистом Уильямом Маккеем (1992), мы делаем терминологическое различие между языковым плюрализмом на уровне индивидуального лингвистического понятия (моно-/мультилингвизм) и на уровне национально-государственном (монб-/мультилингвизм).

² В Центральной Азии постсоветское формирование государств сопровождалось национальным и этническим возрождением, грозившим переходом к демократии. Именно в этом контексте UNESCO/MOST, разрабатывая проект по демократическому управлению в многонациональном и многоэтническом обществе, особое внимание уделило проблеме разнообразия языков, особенно в Киргизской Республике.

Глобализация и реконструкция этнической самобытности

Более поздние процессы глобализации усиливают эту динамику. С одной стороны, есть мнение, что глобализация в какой-то степени подрывает суверенитет национального государства в плане его способности контролировать экономическую, культурную и социальную системы. Международные финансовые потоки, автономия транснациональных корпораций, всемирное распространение информации электронными средствами и возрастание международной миграции действительно серьезно снижают мощь национального государства. С другой стороны, однако, есть доводы в пользу того, что глобализация ни в коей мере не умаляет доминантную структурную роль национальных государств и национальных правительств внутри глобальной политической системы. Тот факт, что национальное государство остается прочно установившимся в политической системе, подтверждается увеличением количества постколониальных национальных государств после Второй мировой войны и образованием государств-преемников после распада Советского Союза.

Похоже, что обе тенденции объясняют рост числа этнических групп, требующих признания на политической арене. С одной стороны, международное право все в большей степени навязывает универсальную юридическую систему вновь появляющимся национальным государствам. Коренное население, региональные меньшинства и иммигранты, ранее подвергавшиеся политике гомогенизации, дискриминации и геноциду, приобрели большую автономию в национальном государстве посредством международных стандартов, отсутствовавших во время государственного формирования в Европе. Кроме того, признание условности традиционных особенностей, похоже, вызывает к жизни потребность в подтверждении и реконструкции конкретных случаев самобытности. Основным результатом глобализации и релятивизации стало появление этнополитических движений, опирающихся на национализм, религиозную, сектовую или расовую принадлежность и язык как на средства утверждения собственной самобытности с целью политической мобилизации.

Более того, рост международной миграции расслоил население «старых» национальных государств, где господствовал монолингвизм. В то время как США, Канада, Австралия имеют большой опыт иммиграции с различной языковой основой, европейские и восточноазиатские государства впервые столкнулись с широкомасштабной иммиграцией, порожденной движением беженцев, просителями политического убежища, с постоянными потоками миграции рабочей силы, движимой рынком труда.

Внутри этой системы можно распознать центральную дилемму современной языковой политики. С одной стороны, политика общества призвана реагировать на рост языкового многообразия и на политические требования этнических групп. С другой стороны, она обязана поддерживать установленные структуры общепринятой общественной сфор-

вплоть до лишения легитимности националистической концепции государства. Именно эта дилемма требует ответа от демократических правительств многоязычных стран.

Языковые права в международном законодательстве

Формулирование принципов демократического правления требует принимать во внимание нормативную структуру международного права. Что касается проблем языкового разнообразия, в последние десятилетия в международном праве произошел сдвиг от терпимости, направленной на ассимиляцию, к поддержке лингвистических меньшинств (De Varennes, 1997; Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1994). Более ранние положения, касающиеся статуса лингвистических меньшинств, можно обнаружить в некоторых международных договорах XIX века и в конце Первой мировой войны в структуре так называемых договоров по меньшинствам, курируемых Лигой Наций и направленных на защиту национальных меньшинств в Европе. Однако только после Второй мировой войны языковые права были выделены как составная часть общих прав человека, прежде всего под эгидой ООН. Статьи 1 и 55 Хартии ООН, так же как Международный билль о правах человека (Статья 2 (1) UDHR, статьи 2 (2) и 26 ICCPR)³, призывают государства-члены к соблюдению основного принципа равенства и отсутствия дискриминации. Имеется несколько международных конвенций, которые уточняют применение этих принципов, гарантируя особые права членам языковых меньшинств в области образования, средств массовой информации и политического участия⁴. Наиболее важным юридическим инструментом, касающимся прав меньшинств, является Статья 27 ICCPR (Капоторти, 1979). Юридический анализ этой статьи показывает, что она подразумевает два требования. Во-первых, предполагается запрещение дискриминации на базе языка; во-вторых, государство обязывается не вмешиваться в дела языковых меньшинств. Требование, чтобы лица, принадлежащие к меньшинствам, не получали отказа в праве использовать их собственный язык, можно понимать двояко. Фактически в Статье 27 нет ясности, следует ли государству не только разрешать использование языков меньшинств в личной и общественной

³ Международный билль о правах человека состоит из Всеобщей декларации по правам человека (ВДПЧ), принятой и провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН в Резолюции 217А (III) от 10 декабря 1948 г., Международного договора по экономическим, социальным и культурным правам (МДЭСКИ) и Международного договора по гражданским и политическим правам (ICCPR), принятого Генеральной Ассамблеей ООН 19 ноября 1966 г.

⁴ Это было записано в Конвенции ЮНЕСКО против дискриминации в образовании, статьи 1 и 5 (1), принятой 14 декабря 1960 г., Международной конвенции по устранению всех форм расовой дискриминации, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 7 марта 1966 г., и статье 23 Конвенции Международной организации труда (МОТ) (№ 107) о поддержке и интеграции местного и другого племенного и полуплеменного населения в независимых странах (1957 г.).

сферах, но также использовать их при ведении собственных дел. Неясно и то, обязано ли государство предпринимать реальные действия для реализации этого права. Большинство ученых-юристов соглашаются с тем, что Статья 27 не налагает на государство какие-либо обязательства в этом отношении.

Первой всесторонней, универсальной и нормоопределяющей международной декларацией, признающей необходимость содействовать развитию индивидуальности меньшинств и разъясняющей права членов меньшинств, явилась Декларация прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Декларация ООН), принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г. (De Varennes, 1997: 7–13) после четырех десятилетий жарких споров. В своем программном положении, в Статье 1 (1), она выходит за пределы принципов недискриминации и равенства, требуя, чтобы государство активно защищало меньшинства и способствовало развитию их индивидуальности. Так, Статья 4 (2) предлагает государству «принять меры по созданию благоприятных условий, дающих возможность лицам, принадлежащим к меньшинствам, выражать свои характерные черты и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи, за исключением тех случаев, когда особые обычаи нарушают национальный закон и противоречат международным стандартам». Декларация недвусмысленно требует, чтобы государство допустило использование частного (родного) языка в частной, общественной и коллективной деятельности. Более того, государство не имеет права запрещать использование языка меньшинств в сферах, формирующих общественное мнение, особенно в частных средствах массовой информации, включая книги, газеты, радио и телевидение. Наконец, государство, хотя и не обязано обеспечивать финансовую поддержку, не должно препятствовать использованию языка меньшинств при коллективной деятельности, такой как образование ассоциаций и основание частных школ с преподаванием на языке меньшинств.

Декларация ООН также говорит о публичном использовании языка меньшинств. Статьи 4 (3) и 4 (4), сформулированные менее категорично, чем другие статьи, направлены на содействие развитию индивидуальности языковых меньшинств через образование и на углубление взаимопонимания большинства и меньшинств.

Можно сделать вывод, что нормативная модель общества, подразумеваемая в международных правовых документах, относящихся к языковым правам, предполагает установление правильного соотношения между сохранением языковых меньшинств, содействием их развитию и функционированием общества в целом. В то время как содействие развитию индивидуальности меньшинств может быть помещено в область, которую А. Эйд назвал «отдельной сферой», международное право требует социальной интеграции в «общую сферу». Задачей конституционных положений и социальной политики на национальном уровне могло бы стать нахождение способов совместить эти две сферы в многоуровневом механизме разделения власти, чтобы достичь «плюрализма в объединении»

(Эйд, 1994) и, таким образом, демократично ответить на структурную дилемму социальной интеграции в условиях возросшей глобализации.

Реализация права на пользование языком через политику «мультикультуры»

Термин «мультикультура» имеет, по крайней мере, три различных значения. В демографически-описательном значении он относится к факту культурного и этнического разнообразия; в идеологически-нормативном — он относится к философским спорам, подчеркивающим законность требований признавать права отдельных групп индивидуумов; а в политическом смысле он относится к любой политике, откликающейся на проблемы, поставленные разнообразием, активно способствуя развитию признанного участия этнических, религиозных и языковых меньшинств в общественной сфере (Inglis, 1996: 15–18). В дальнейшем мы будем использовать термин «мультикультура» в третьем смысле. С точки зрения мультикультурализма, обеспечить общественное признание разнообразных групп и способствовать функционированию гражданского общества в рамках политики плюрализма в состоянии только демократическое общество (Habermas, 1994).

Если условно выделить три идеальных типа языковой политики: ассимиляцию, дифференциацию и мультикультурализм (Inglis, 1996: 37; Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1994: 80), — то в области языкового планирования понимаемый вышеозначенным способом мультикультурализм может рассматриваться как наиболее совершенная модель по сравнению с другими. Действительно, ассимиляцией управляет идеал монолингвизма в том виде, как это было описано выше, и она нацелена на языковую гомогенизацию общества. Хотя к языковым меньшинствам можно было бы относиться терпимо и предоставить их членам право на равное к ним отношение, однако стратегии, ориентированные на политику ассимиляции, подрывают значение языков неофициальных меньшинств, например, политикой в области образования, навязывающей монолингвистическое преподавание в общеобразовательных школах на официальном языке. Моделью дифференциации (или исключительности) языковой политики также управляет идеал монолингвизма, она систематично исключает лингвистические меньшинства из жизни общества. В умеренных случаях она позволяет языковым меньшинствам создавать параллельные институты: школы, частные средства массовой информации и ассоциации на родном языке. Но через ограничение параллельных институтов языковых меньшинств модель дифференциации стремится ограничить участие в основных институтах общества лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Модель мультикультурализма (или плюрализма) в языковой политике, с позиции стремления к признанию участия языков меньшинств в общественной сфере, имеет два варианта. Первый — региональный — ва-

риант мультикультурализма, в основе которого лежит понятие Лийфарта о консоциативной (соглашательной) демократии, стремится достигнуть отсутствия дискриминации, гарантировать равенство отношений и способствовать развитию индивидуальности языковых меньшинств посредством территориального подразделения, федерализма и многоуровневого устройства политического представительства.

Второй — социокультурный — вариант мультикультурализма защищает развитие индивидуальности языковых меньшинств и содействует ему, допуская и поощряя создание параллельных институтов (школ, средств массовой информации, гражданских ассоциаций), которым предоставляется равный статус в общественной сфере. Чтобы обеспечить функционирование связей в общественной сфере, этот вариант, в частности, поощряет билингвизм или мультилингвизм в образовании и средствах массовой информации (Edwards, 1994).

Обзор мультикультурных типов языковой политики

Оценка типов языковой политики требует исследования результатов их воздействия там, где они применялись. Анализ существующих мультикультурных типов в европейских странах, Австралии и Канаде показывает, что, хотя исторические традиции и местные условия могли бы вызвать комбинацию различных типов языковой политики, наибольший потенциал для мирного разрешения этнических конфликтов, берущих начало в языковом разнообразии, имеет социокультурный вариант мультикультурализма. Однако этот анализ показывает также, что пренебрежение инструментальной уместностью объединяющих языков или языков более широкого употребления на самом деле ухудшает положение языковых меньшинств, особенно в экономическом и политическом секторах, а также и в гражданском обществе.

Региональный вариант мультикультурной языковой политики имеет долгую традицию в Швейцарии и Бельгии — странах, которые часто считались идеальными моделями консоциативной демократии. Швейцарская Конституция, например, провозгласившая французский, немецкий и итальянский как национальными, так и официальными языками, а ретороманский — национальным языком, установила режим кантонального суверенитета, по которому каждая языковая группа осуществляет контроль над общеобразовательными школами, общественными средствами массовой информации и т. д. в своих кантонах, тогда как противодискриминационные статьи гарантируют уважение языковых прав личности в пределах кантона. На национальном уровне созданы государственные структуры, обеспечивающие равное представительство и участие основных языковых групп в законодательстве, юрисдикции, управлении.

Однако эмпирическое ограничение разделения власти между языковыми группами, предусмотренное в швейцарской модели, не прошло не-

замеченным. Юридически региональная модель, основанная на территориальном принципе, не решает проблему совместимости языковых прав индивидуума с содействием развитию индивидуальности языковых меньшинств. Более того, эта модель часто усиливает экономическое и политическое неравенство, т. к. она не учитывает низший статус языка меньшинств, как, например, итальянского в Швейцарии. Наконец, региональный вариант усугубляет взаимное незнание между языковыми группами, поскольку в нем отсутствует такой механизм, как многоязычное образование, которое усилило бы социальную связь на национальном уровне. В Бельгии, где получила развитие аналогичная модель регионального разделения власти, публичное обсуждение существующих ограничений привело к реформе Конституции, в которой принцип территориальности был дополнен принципом языкового самоопределения. В результате как три региона (Валлонский, Фламандский и Брюссельский), так и три общины (франко-, фламандско- и немецкоязычная) имеют статус автономии и связаны очень сложной государственной структурой.

Споры вокруг швейцарской и бельгийской моделей консоциализма показывают, что урбанизация, возросшая мобильность и экономическая взаимозависимость серьезно ограничивают эмпирическую эффективность регионального варианта мультикультурной языковой политики для обеспечения языковых прав. Кроме того, мультикультурная языковая политика, исповедующая региональный подход, игнорирует языковые права иммигрантских меньшинств, которые более естественно вошли в большинство европейских сообществ, где в языковой политике по отношению к иммигрантам придерживаются модели ассимиляции или дифференциации. В то время как в публичных дебатах в некоторых странах, особенно в Бельгии, Германии и Нидерландах, все более осознается культурная, правовая и экономическая важность поддержки языковой самобытности иммигрантов, например, обучение языку иммигрантских меньшинств, большинство стран Европы пока сопротивляется включению в политику образования защиты и поддержки этих языков⁵.

Поскольку социокультурная модель многонациональной языковой политики открыто поддерживает языковую идентичность как аборигенов, так и иммигрантов, то неудивительно, что страны, сталкивающиеся с иммиграцией в больших масштабах, особенно Канада и Австралия, первыми адаптировались к этому явлению. В Канаде увеличение иммигра-

⁵ Эти ограничения также можно наблюдать в уставах Европейского союза и Совета по политике для европейских языков. Данные европейские уставы для местных языков или языков меньшинств, принятые Советом Европы 2 декабря 1992 г., среди других целей подчеркивают значение местной и многонациональной культуры и призывают к защите и поддержке региональных языков и языков меньшинств. Однако, основываясь на территориальных принципах, устав только поддерживает региональный вариант многонациональной языковой политики и явно исключает языковые права иммигрантов. С обзором европейской языковой политики см. статьи в «Гардиан» (1997).

ции привело к нападкам на политику англо- и франкоязычного подчинения и к окончательному принятию в 1971 г. «многонациональной политики в рамках двуязычия», подтвержденной в 1988 г. Актом о сосуществовании многих культур. В области образования свободное владение как родным, так и одним из двух государственных языков было главной целью многонациональной языковой политики, осуществлявшейся через дополнение обучения государственному языку обучением языку иммигрантов, а также двуязычным образованием (Fortier, 1994).

Тогда как социальная интеграция иммигрантов с различной степенью языковой подготовки поддерживалась в Канаде главным образом многонациональной языковой политикой, в случае с Квебеком в связи с такой политикой в рамках двуязычия возникли некоторые трудности. Принятая в Квебеке в 1970-х годах многонациональная языковая политика привела к ослаблению статуса французского языка и предпочтительному использованию среди иммигрантов и этнических культурных общин английского как языка большей мобильности. Как следствие, языковая политика в Квебеке с некоторым успехом изменилась в сторону предпочтительного обучения французскому с целью подтверждения идентичности «ярко выраженного франкоязычного сообщества».

В Австралии принятие политики многонациональной культуры означало переход от строго моноязычной политики и политики ассимиляции к признанию языковых прав как аборигенов, так и иммигрантов с различной языковой подготовкой (Ozolnis, 1993). Движущим фактором этого изменения в общественной жизни было признание азиатских языков важным инструментом международной торговли, и только в 1980-х годах Австралия начала рассматривать требования идентичности языковых групп и поддержку местной культуры и языковых разновидностей как основу общественной интеграции. Стратегия многонациональной языковой политики, основанная на разнообразии культур, записанная в Программе по национальной языковой политике, нацелена на поддержку получения образования как на английском, так и на родном языке иммигрантов и на культурное многообразие, установление многоязычной среды, путем специальной информационной и развлекательной радиовещательной программы на 63 языках, а также путем предоставления социальных услуг для неговорящих по-английски и создания службы устного и письменного перевода. Однако т. к. в середине 1980-х годов национальный язык все еще функционировал как главный инструмент общения, то «этнический выбор», т. е. продвижение языков меньшинств, подвергался риску давления на существующую систему дифференциации в экономическом и политическом секторах. И как следствие этого — австралийское государство перешло к более сложным моделям языковой политики, основанным на многообразии культур с использованием языков меньшинств и в то же время способствующим большим правам языка более широкого распространения.

Заключение

Основная идея этой статьи заключается в том, что языковая политика, являющаяся многонациональной в смысле активной поддержки и участия в общественной сфере языков меньшинств, хорошо приспособляется к осуществлению положений о правах человека и к достижению социальной интеграции в многоэтнических обществах. Международные нормы о правах человека, связанные с языковыми правами, содержат нормативное обоснование для проведения такой политики. По сравнению с политикой ассимиляции и дифференциации, мультикультурная национальная политика, по-видимому, является более жизнеспособной в урегулировании этнолингвистических конфликтов. Однако эмпирический успех такой политики зависит от того, насколько успешно ей удастся балансировать между признанием отдельных языковых сообществ и языковыми требованиями действующих экономической и политической систем. Уважение различий между «отдельным» и «общим» является решающим для демократического управления в многоязычном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- De Varennes F., 1997. To Speak or Not To Speak. The Rights of Persons Belonging to Linguistic Minorities, Perth/Australia: Murdoch University.
- Edwards J., 1994. Multilingualism, Londres & Nueva York: Routledge.
- Fortier I., 1994. «Official languages policies in Canada: a quiet revolution», International Journal of the Sociology of Language 105/106: 69–97.
- Gellner E., 1983. Nations and Nationalism, Oxford: Blackwell.
- Habermas J., 1994. «Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State», in: A. Gutmann (ed.) Multiculturalism; Examining the Politics of Recognition, Princeton: Princeton University Press.
- Inglis C., 1996. Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity (MOST Policy Papers No.4), Paris: UNESCO.
- Luckmann T., 1984. «Language in society», International Social Science Journal XXXVI/1: 5–20.
- Mackey W.F., 1992. «Mother tongues, other tongues and link languages: what they mean in a changing world», Quarterly Review of Education XXII (1): 41–52.
- Mansour G., 1993. Multilingualism & Nation-Building (Multilingual Matters, No. 91), Clevedon, Phil.: Multilingual Matters Ltd.
- Ozolnis U., 1993. The Politics of Language in Australia, Cambridge: Cambridge University Press.
- Skutnabb-Kangas T., Phillipson R., 1994. «Linguistic human rights, past and present», En: T. Skutnabb-Kangas y R. Phillipson (eds.), Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination (Contributions to the Sociology of Language), Berlin & Nueva York: Mouton de Gruyter.
- Vilfan S., (ed.) 1993. Ethnic Groups and Language Rights (Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850–1940. Volume III). Dartmouth: European Science Foundation/New York University Press.
- Wright S., 1997. «Language as a Contributing Factor in Conflicts Between States and Within States», Current Issues in Language and Society 4 (3): 213–237.

Г. В. Хруслов

ПРОБЛЕМЫ ОФИЦИАЛЬНОГО И НЕОФИЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

По данным Международного института сравнительного языкового права, который исследовал законодательство в 147 суверенных государствах, конституционные положения, касающиеся языков, содержатся в законодательстве 110 из них, включая 18 из 22 федеральных государств (Turі, 1989: 37). Принимая законодательные акты, государства пытаются решать проблемы развития национальных языков, языкового суверенитета, языковых прав человека, избежать проявления неравенства между различными языками в едином географическом пространстве, регулировать отношения между группами языкового большинства и меньшинства.

Бразильский ученый Франциско Гомес де Матос, обсуждая в письме автору от 23 ноября 1991 года общие направления исследования языковых прав человека, выделяет по меньшей мере шесть их измерений:

- 1) философское: этические, моральные аспекты; ключевой вопрос: какие человеческие ценности и верования лежат в основании языковых прав человека и почему? Языковые права человека как часть общих прав человека;
- 2) антропологическое: социальные, культурные аспекты; ключевой вопрос: какие языковые права признаются, уважаются, поощряются (могут признаваться, уважаться, поощряться), какими социальными и культурными учреждениями, где, когда, при каких обстоятельствах;
- 3) политическое; ключевой вопрос: как меры правительства, государства взаимодействуют с языковыми правами отдельных лиц, меньшинств (особенно этнических групп) и больших общин;
- 4) стилистическое; ключевой вопрос: до какой степени может право на языковой выбор (в говорении, письме) быть признано и гарантировано;
- 5) психологическое; ключевой вопрос: до какой степени языковые права человека, их осуществление и практика взаимодействуют с положительным представлением человека о себе самом, с самосознанием в той мере, в какой человек выступает как языковая личность;
- 6) образовательное; ключевой вопрос: как языковые права и обязанности взаимодействуют с образовательной практикой и нормой? Как могут педагоги, особенно преподаватели языка, помочь осознанию языковых прав среди будущих учителей, студентов, широкой общественности, средств массовой информации?

Очевидным образом существуют и другие связанные с этими изменениями, такие как: экономическое/социологическое (ключевой вопрос: как на распределение национального богатства влияет осуществление или неосуществление языковых коммуникативных прав на индивидуальном и общественном уровнях?); этнографическое, а также правовое/юридическое, но они могут быть включены в вышеприведенные категории.

В принципе языковая политика может сопровождаться, а может и не сопровождаться языковым законодательством. Когда существует языковое законодательство, то сама по себе его концепция, терминологический аппарат, интерпретация и применение его положений порождают много острых проблем.

Как правило, законодательные положения вводятся в отношении официального использования того или иного языка или для содействия одному или более языкам. Национальный (государственный) язык (national language), т. е. язык, который обычно считается главным языком нации (государства), является также официальным языком (official language), т. е. языком, используемым в администрации, судебных заседаниях, официальном бизнесе (определение официального языка см.: Richards, Platt, Weber, 1985: 187; обзор различных теорий см.: Pool, 1991). На Всероссийском совещании «Национально-языковые проблемы России на современном этапе» (25–28 февраля 1992 года, Институт языкознания РАН) на вопрос «Синонимы ли “государственный” и “официальный” язык?» был дан ответ: «Это зависит от реального использования и утвержденного статуса языков» (Национально-языковые проблемы, 1992: 186). В многоязычных государствах может быть больше одного официального языка, и в таких случаях термин «официальный язык» используется чаще, чем «национальный/государственный язык». Например, Республика Сингапур имеет четыре официальных языка: английский, китайский (мандаринский), малайский и тамильский (о примерах языковых отношений в различных ситуациях многоязычия в Западной Европе см.: Домашнев, 1991: 89–101).

Субъективным фактором принадлежности к нации является субъективное измерение, т. е. чувство — со стороны рассматриваемых общин, — что они принадлежат к специфической нации, которая отличается от остального населения. Контраст между государством и нацией (и, по аналогии, между гражданством и национальностью) отражает именно это противопоставление. Этот контраст также отчетливо виден в восприятии общиной статуса своего собственного языка. Обычно общины, которые считают себя нациями (или частью нации, проживающей в другом государстве), не склонны рассматривать свой собственный язык как диалект, но рассматривают его как язык в полном смысле слова. Термин «диалект» имеет для них ясную сниженную коннотацию. Это восприятие особенно сильно в случае языков, которые являются официальными языками в иной стране, чем та, к которой принадлежит община в плане гражданства, но оно обнаруживается и в других случаях. Отсюда употребление

языки (*parlers regionaux*) во Франции, общинные языки (*community languages*) в Соединенных Штатах и в Великобритании, этнические языки (*ethnic languages*) в Австралии и др. (*Linguistic Minorities...*, 1986: 14).

Не существует прямых соответствий между группами языкового большинства и официальными языками и группами языкового меньшинства и неофициальными языками. На лингвистическом уровне проблема еще более усложняется наличием многих конкретных случаев (зарубежные примеры см.: там же: 16–17):

(а) Некоторые общины говорят на языках, которые не являются официальными языками ни в какой стране или государстве (такие как сардинцы в Италии или оски во Франции; целый ряд «нетитулярных» народностей Крайнего Севера и Сибири в России). Эти народы являются «слабейшими» меньшинствами с культурной точки зрения, поскольку они не могут, например, получить доступ к публикациям и информации на своих собственных языках, если только не производят их сами.

(б) Некоторые общины говорят на языках, которые являются официальными языками в других странах или государствах (например, албанцы в Италии, немцы во Франции, поляки в Германии; армяне, греки, немцы, финны, корейцы, евреи в России); эта категория содержит особые случаи, такие как языки, на которых говорят меньшинства, «глядящие друг другу в лицо» (например, немцы в Дании и датчане в Германии; татары в Башкирии и башкиры в Татарстане и др.).

В этой ситуации реальность, стоящая за концепцией групп языкового большинства и меньшинства, исторически обусловлена. В Финляндии и в Квебеке, например, в течение длительного времени шведы и англичане — по статистике, группы языкового меньшинства — были во всех практических отношениях местными группами языкового большинства, хотя сейчас положение изменилось.

Культурные потребности этих народов удовлетворяются легче или менее трудно, так как у них есть родная страна, по крайней мере с лингвистической точки зрения (хотя в некоторых случаях их особенность состоит в том, что язык, который они используют, является вариантом стандартного языка, с которым они связаны; достаточно сравнить греков в Италии и России и греков в Греции).

(с) Некоторые общины говорят на языках, которые исторически могут рассматриваться как диалекты (в строгом смысле) стандартного языка государства. Этот случай типически представлен фриульцами в Италии, поскольку их язык может рассматриваться и как диалект итальянского языка, а также — некоторыми лицами — как во многом автономный язык или же как вариант ладинского (ретороманского) языка, одного из официальных языков Швейцарской Конфедерации. К этой же группе можно отнести диалекты аварского языка в Дагестане. Со строго лингвистической точки зрения, языки этой группы могут и не рассматриваться как языки меньшинства.

(d) Наконец, следующая категория охватывает те языки, на которых

ства в этих странах. Это, например, ситуация каталонцев во Франции, чей язык является языком меньшинства в Испании (хотя сейчас он получил широкое юридическое признание), осков в Италии или саами — меньшинства в четырех странах: Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Эта категория языков испытывает наибольшие проблемы, так как это дважды языки меньшинства, и они особенно «слабы».

Фундаментальная цель языкового законодательства, как уже было сказано, — регулировать, насколько это возможно, языковые проблемы, которые возникают в результате языковых контактов, конфликтов и проявлений неравенства, обеспечивая условия и средства, касающиеся статуса и использования различных языков в соответствии с некоторыми правилами и критериями.

Языковое законодательство разделяется на две категории, в зависимости от области применения (Turi, 1989: 37; иные классификации см.: Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1989: 9, 12, 23): то, которое главным образом имеет дело с официальным использованием языков (например, Закон об официальных языках Канады — *Canada's Official Languages Act*), и то, которое главным образом имеет дело с неофициальным или же как с официальным, так и с неофициальным использованием языков (например, Квебекская хартия французского языка — *Quebec's Charter of the French Language* или Квебекский Закон 101).

Законодательство, направленное на то, чтобы сделать официальным один или несколько конкретных языков в области самого же законодательства, правосудия, государственной администрации и образования, называется «законодательством официального языка».

Языки могут быть сделаны официальными различными путями: формальным объявлением их официальными или государственными языками, объявлением их языком или языками определенных официальных областей или предоставлением им юридического статуса, высшего по отношению к другим языкам. Один из способов — провозгласить, что только определенные официальные тексты, написанные на этих языках, являются «аутентичными». В некоторых «региональных» конституциях (таких как Баскская и Каталонская конституции) баскский и кастильский языки, в одном случае, и каталонский и кастильский языки, в другом случае, объявляются официальными языками (Siguan, 1990: 13, 29).

В 1990–1991 годах в Норвегии (*The Sami Language Act*) и в Финляндии (*Act on the use of the Sami language before the authorities*) приняты серии законодательных мер по усилению официального использования самского языка в общественной жизни.

Провозглашение одного или более языков официальным само по себе не обязательно имеет значительные юридические последствия. Лингвистическое значение или наполнение концепции «официального языка» зависит от действительной юридической трактовки того или иного языка.

скорее декларативным по природе, чем обязательным для исполнения, и соответственно иметь только психологическое влияние. Важность этого, однако, не следует сбрасывать со счетов.

Законодательство, направленное главным образом на то, чтобы нормализовать один или несколько конкретных языков в неофициальных областях работы, общения, культуры, торговли и бизнеса, называется «нормализующим языковым законодательством». «Нормализовать» один или несколько конкретных языков означает сделать их нормальными и привычными языками страны или региона, возможно, с целью сделать их «общими языками». Однако там, где язык действительно является общим языком, нет потребности в такой нормализации (иное понимание «языковой нормализации» применительно к Каталонии см.: Крючкова, Нарумов, 1991: 110–119).

Существует обычное языковое законодательство в отношении неофициального использования языков, например, в Канаде (Квебеке, Нью-Брунсвике), Бельгии, Франции, Италии, Мексике, Португалии. Но такое законодательство сравнительно редко. Оно составляет для защиты определенного языка, обычно носит разрешительный характер по отношению к другим языкам и, с некоторыми исключениями, имеет ограниченное применение, например, в маркировке товаров и защите прав потребителей. Таким образом, законодательство в Бельгии (где общение между фирмами и их служащими должно происходить на «языке региона») и в Мексике (где некоторые типы коммерческих обозначений в федеральном районе могут быть только на испанском языке), а также раздел 58 Квебекского закона 101 (который, с некоторыми исключениями, запрещает использование другого языка, кроме французского, в коммерческих обозначениях) представляют исключения в этом отношении.

В принципе между официальным и неофициальным использованием языков существует много граничащих размытых областей. Статья 1, часть 2 Закона «О языках народов РСФСР» констатирует: «Настоящий Закон охватывает сферы языкового общения, подлежащие правовому регулированию, и не устанавливает юридические нормы использования языков народов РСФСР в межличностных неофициальных взаимоотношениях...» Этот тезис совершенно четко подчеркивает невмешательство государства в личные языковые права граждан. Однако дело в том, что неофициальное употребление языка может носить не только межличностный, но и общественный характер и в таком случае также регулироваться законодательно: в виде или прямых законов, или же подзаконных актов, государственных программ по развитию языков и т. п., конкретизирующих, развивающих закон.

ЛИТЕРАТУРА

- Домашнев А.И. Функционирование языков в многонациональном обществе. 1991.
- Закон РСФСР «О языках народов РСФСР». 25 октября 1991 года//Российская газета, 11 декабря 1991 года.
- Крючкова Т.В., Нарумов В.П. Зарубежная социоллингвистика. Германия, Испания. М.: Наука, 1991.
- Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. Отв. ред. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Ред.-сост. Бахнян К.В. М.: ИНИОН АН СССР, 1991.
- Функционирование языков в многонациональном обществе. Отв. ред. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. М.: Наука, 1991.
- Языковая ситуация в Российской Федерации. Отв. ред. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. М.: РАН, 1992.
- Linguistic Minorities in Countries Belonging to the European Community. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1986.
- Pool, J. «The Official Language Problem». American Political Science Review. Vol. 85, № 2. June 1991: 495–514.
- Richards, J., Platt, J., Weber, H. Longman Dictionary of Applied Linguistics. Harlow, England: Longman, 1985.
- Siguan, M. Linguistic Minorities in the European Economic Community: Spain, Portugal, Greece. Summary of the report. Luxembourg: Office for Official Publications of European Communities, 1990.
- Skutnabb-Kangas, T., Phillipson, R. Wanted! Linguistic Human Rights. ROLIG-papir 44. Roskilde Universitetscenter, January 1989, Reprint October 1989.
- Turi, J.-G. The Official and the Non-Official Use of Languages. Language and Society. Ottawa, Canada, 1989. 26; 37–38.